

И можно в любом случае проявить здесь свой
маленький свет, свой собственный скромный,
крошечный, дрожащий огонек, зная, что он не
единственный, горящий во тьме, и не един-
ственный, который тьма не в силах постичь.

Э. М. Форстер. Во что я верю

Конечно же, в этом сердце живет нечто нетлен-
ное — а жизнь куда больше, чем сон.

Мэри Уолстонкрафт

Но можно ль развернуть течение судьбы
Или порвать цепь неизбежных связей?

Эдмунд Спенсер. Королева фей

ПРОЛОГ

Осознавая Великое предательство...

Аннун был почти полностью разорен. Король Артур не стал обрушивать войну на сны, и кошмары, и фей — он просто обманул их, как некогда были обмануты троянцы. Андраста¹ наблюдала за тем, как ее родня превращалась в инспайров, а потом в ничто. Единственным, что удерживало от распада ее саму, было воспоминание о любви. О взаимном желании, от которого, как она знала по своему долгому опыту, Артур не мог просто так отмахнуться.

Она могла бы использовать это против него, пусть даже ее кожа осыпалась хлопьями, а движения замедлились. Она чувствовала запах отчаяния некоторых его последователей неподалеку от той пещеры, где она помогла выковать причину собственного крушения.

На этой горе некогда рос лес, а в лесу была поляна. Андраста, поднимаясь по склону, воспаленными паль-

¹ *Андраста* — кельтская богиня победы, а также богиня женщин-воительниц.

цами ощущала память корней и мха. А теперь здесь был голый камень, но и он осыпáлся под ее ногами и руками, рождая маленькие лавины. Пустынный ландшафт был опасен. Если Артур увидит Андрасту, он попытается ее уничтожить. Ей оставалось надеяться, что он слишком поглощен успехом своего предательства, чтобы обращать внимание на одинокую беспомощную женщину.

Прошло много солнц, прежде чем Андраста добралась до вершины горы, поэтому она была непомерно измучена. Ее кости трещали. Сила, некогда протекавшая в теле Андрасты, ушла. Каждый вздох уносил еще одну ее каплю. На вершине Андраста позволила себе остановиться и передохнуть, потом оглянулась на картину мира, которым некогда правила. Там не было ничего, кроме серости. Башни и поселения, прежде пестревшие на равнине, исчезли. Исчезли и звери, и разные существа, что бродили там. Андраста посмотрела на море и увидела, что империи за ним тоже рассыпáлись под напором силы Артура. Он охватил весь юг, до родины древних предков, где начинались все истории. Он охватил и запад, и восток, где истории, что рассказывались в далеких культурах, были сродни здешним историям, и их общие нити сплетались в ее собственные сухожилия. Все умирало.

Пора было двигаться, но тело Андрасты утратило силу. Артур оставил ее смерть напоследок — как особую жестокость по отношению к богине, которую обещал почитать всю жизнь и после жизни. Она закрыла глаза и послала мольбу к людям неподалеку. Они слышали ее, каким бы тихим ни был зов.

Рыцари Ланселот, Бедевер, Паломид, Гэвейн и Дагонет появились на вершине горы. Они сняли шлемы, их лица были усталыми и встревоженными.

Паломид был самым старшим из рыцарей, но самым измученным выглядел Ланселот. Андраста ощущала в нем нить Нимуэ¹, сплетавшуюся с нитью ее брата Луга, — единство музы и воина. Ланселот пришел в Аннун молодым, он восхищался всем, что мог предложить ему этот мир, он любил кошмары, хотя и сражался с ними. Андраста видела его мальчишкой — он мыслил совершенно иначе, чем Паломид и даже молодой Бедевер. Она чувствовала его горе из-за случившегося как поддержку ее собственного угасающего существования. Он уже сделал выбор, хотя сам пока этого не знал...

— Миледи... — Бедевер опустился перед ней на колени. — Мы не знали. Мне жаль, что так произошло...

— Ты призвала нас, миледи, разве нет? — заговорил Паломид низким и настойчивым голосом. — Можем мы что-то сделать? Такое, что повернет вспять все это?

— Повернет вспять?! — горько засмеялся Дагонет. — Как? Как нам переделать мир, когда у него такая сила? Мы можем с таким же успехом броситься с этих скал и разбить головы о серые камни внизу.

— Но если он способен в одно мгновение все уничтожить, то наверняка все может быть и восстановлено? — сказал Гэвейн. — Пусть другие рыцари и последовали за Артуром, но мы остаемся верны нашим

¹ *Нимуэ* — одно из имен Озерной феи, или Владычицы Озера, в цикле легенд о короле Артуре.

клятвам. А мы поклялись защищать эту землю, и мы не считаем ее разрушение защитой. Мы остаемся преданы Аннуну, а не *ему*.

— Я знаю, — слабо улыбнулась Андраста. — Потому и позвала вас. Моя любовь предала меня и фей, но есть и путь назад. Это не на вашей памяти, но были времена, когда Аннун оказался на грани гибели. Всегда есть люди, иммралы или нет, которые хотят убить воображение. И частенько они близки к этому. Но и надежда всегда остается.

— Что нам делать? — спросил Ланселот.

— Прикажи, и мы все сделаем, — пообещал Дагонет.

— Не делайте, а найдите, — ответила Андраста. — Источник инспайров, который вернет Аннун. Убейте короля, а потом найдите источник.

Она застонала. Боль, пронизывавшая ее, обострилась. Артур осознавал, что ее существование не угасло. Она ощущала, как он сейчас сосредоточил на ней свое намерение.

Андраста почувствовала, как растворяются ее кости, превращаясь в инспайров прямо внутри тела. Мышцы и вены скоро последуют за ними. Она качнулась назад, и Ланселот подхватил ее. Его юное лицо исказилось отчаянием, он смотрел ей в глаза — ребенок, видящий уход старшего и впервые познающий смерть. Андраста уловила тот момент, когда жизненная сила стала покидать ее, и прохрипела последние слова, с трудом прошептала то, что могло привести их к необходимому:

— Грааль... Найдите Грааль...

1

Я не привыкла сражаться без моего Иммрала. Три месяца прошло, а я все еще призываю силу посреди схватки.

Мой скимитар¹ движется быстрее, чем когда-либо прежде, почти независимо от меня, — он подчиняется инстинкту выживания. Но я ничего не могу изменить. Если бы у меня было время подумать как следует, я прокляла бы свой недостаток умения — свою близорукость, потому что я прекратила практиковаться со своим оружием, когда оно перестало быть необходимым. Ведь у меня появился бы шанс. Но тогда у меня был Иммрал, и я полагалась на него при таких затруднениях.

— На помощь! — закричала Неризан с другой стороны улицы, осаждаемая так же, как и я.

Последовала неяркая вспышка голубого света. Мой брат высвободил ее. Он теперь единственный из нас

¹ *Скимитар* — устаревший, известный с XV века европейский термин для различных видов восточных сабель.

обладает Иммралом — и та часть силы, что прежде принадлежала мне, теперь у него. Я не хочу просить его о помощи. Не могу. Я удваиваю усилия, размахивая вперед и назад скимитаром, сражая одного спящего за другим, а они все равно напирают. Им неведом страх, у них нет эмоций, есть лишь желание истребить таких, как я.

Прошли те времена, когда мы защищали спящих от кошмаров. Теперь мы можем только бороться за свою жизнь. И непохоже, чтобы остались еще кошмары, с которыми нужно сразиться. Сны — и хорошие, и плохие — покинули Аннун, не оставив на своем месте ничего, кроме злобной армии Мидраута¹. И она нас побеждает, медленно, но верно, как океан, размывающий скалу.

Клинок, которого я не заметила, сверкнул справа от меня, глубоко врезавшись мне в плечо.

— Ах ты, мелкий... — выругалась я и протянула руку к сновидцу, все еще надеясь, что прежний толчок Иммрала пробежит сквозь мой мозг и руку и взорвет сновидца, превратив в инспайр. Но ничего не происходит. Я вынуждена воспользоваться куда менее элегантной тактикой и просто рубануть его скимитаром по груди. Он падает, но на его месте появляются двое других.

Сновидец в тылу атакующей меня толпы падает с приглушенным вскриком. Потом другой и еще двое, сраженные одной стрелой.

Самсон.

¹ *Мидраут* — валлийская форма имени Мордред. Так звали одного из отрицательных персонажей легенд о короле Артуре.

Вскоре его лицо появляется над толкотней, решительное и яростное, — он колет и рубит окруживших меня стрелами, которые просто держит в руках. Еще несколько взмахов — и он уже рядом со мной.

— Мне показалось, тебе тут одиноко, — усмехается Самсон.

— И скучно, — выдыхаю я, желая выглядеть такой же спокойной, как он.

— Как ты думаешь, — спрашивает он, — не пора ли дать отдых полку?

Он подразумевает: пора попросить Олли покончить с этим. Я не могу заставить себя сказать «да», но и не могу сказать «нет». Самсон говорит что-то в свой шлем, и через мгновение новая голубая вспышка раскидывает оставшихся сновидцев. Они без сознания и пока не представляют угрозы. Мой брат стоит посреди улицы, чакрамы¹ по-прежнему висят у него на поясе, руки раскинуты, уши кровоточат от усилий, которых ему стоило использование моего Иммрала. Нет, уже не моего. Теперь это Иммрал брата.

Они с Самсоном просто ждали моего слова. Они могли бы вмешаться в любой момент, но не сделали этого, потому что не хотели ранить мою гордость.

— Спасибо, что проредила их ряды, — улыбается мне Олли. — Со всеми сразу я бы не справился.

Он лжет. Мы оба это знаем. Мне было бы так легко вернуться к прежней угрюмости, найти убежище в дурных мыслях о брате, вообразить, что Самсон только рад тому, что у меня больше нет Иммрала и он может

¹ *Чакрам* — индийское метательное оружие, представляет собой плоское металлическое кольцо, отточенное по внешней кромке.

изображать спасителя. Мне стоит огромных усилий не изречь что-нибудь саркастическое о даме в беде. Я киваю в знак благодарности — только на это я сейчас и способна. Олли сказал бы, что это лучшее, что я могла сделать; он буквально размяк и явно испытывает облегчение.

Самсон не столь хорошо осознает, насколько он был близок к тому, чтобы ему откусили голову.

— Ты в порядке? — спрашивает он, осторожно касаясь меня.

Мне кажется, что ему хочется обнять меня за талию, но, строго говоря, мы еще продолжаем патрулировать, и его рука замирает на моем предплечье.

Венеуры и аптекари, прятаясь в ближайшем медицинском подразделении, заполняют улицу, осматривают пострадавших. Джин, аптекарь и друг, кивает на порез на моем плече:

— Если я это перевяжу, ты меня не укусишь?

Я надуваю губы и отворачиваюсь в ответ, оттягивая тунику, чтобы открыть рану.

— Черт побери! — восклицает Неризан. — И вот с этим ты продолжала сражаться, Ферн?

— Она у нас крепкая, это уж точно, — говорит Джин, изучая рану.

Я морщусь. В моем плече, глубже пореза, возникает какое-то жжение, мне хочется заорать и рвануться в сторону. Я трясусь головой, чтобы прогнать это.

— Кружится голова? — спрашивает Джин.

— Нет, — отвечаю я. — Просто твой зонд вызывает странные чувства.

— Я действую как можно мягче, — говорит она с отзвуком прежнего раздражения.

— Я этого и не отрицаю.

Прикусывая губу, снова трясую головой. *Я не должна превращаться в прежнюю Ферн.* Не хочу стать озлобленной. Нужно держаться за ту личность, в которую я превратилась, пусть даже она с каждым днем ускользает. Я чувствую это.

— Ну вот, все заштопано, — говорит Джин, ободряюще хлопая меня по спине.

— Отлично. Я как новенькая.

Остальные бедеверы уже взбираются в седла. Нас теперь немного. Самсон, Олли, Неризан и я — вот и все остатки полка, около двух лет назад выезжавшего из ворот Тинтагеля. Мы тогда и представления не имели о том, что отражаем лишь первые из множества нападений, организованных Себастьяном Мидраутом, — атак, которые погубят наших друзей и товарищей.

— Можем мы назвать это удачным днем? — спрашивает Самсона Неризан.

— А тебе хочется? — встречает Олли.

— Чего мне действительно хочется, так это найти настоящий кошмар. Или хорошего спящего, чтобы защитить его, такого, как мы, — отвечает она.

— А, чтобы рот почистить, — киваю я.

— Ну да, что-то вроде шербета, если хочешь, — говорит она с подчеркнутым акцентом, напоминающим мне моих соучеников в колледже Боско, — чтобы последовать главным курсом полной и абсолютной депрессии.

Самсон улыбается:

— Посмотрим, что можно сделать.

Он через шлем передает Рейчел желание Неризан.

Мгновением позже та откликается:

— Боюсь, бедеверы, этой ночью ловить нечего. Но я могу предложить вам по парочке трикстеров¹ у парламента.

— Принято, — говорит Неризан.

Но мы с Самсоном обмениваемся неуверенными взглядами.

Никому не следует в эти дни приближаться к парламенту — ни в Аннуне, ни в Итхре. Но ни один из патрулей не берется за это дело, так что оно остается доступным любому желающему. Неризан в отчаянии смотрит на нас. Ей нужна удача. Да и всем нам.

— Ладно, двигаемся к парламенту, — говорю я.

— Сделаем, — кивает Олли, но он не в силах скрыть усталость в голосе.

Я прекрасно знаю, что он должен чувствовать — дикую боль в затылке. И взрыв боли в носовых пазухах, за которым последует теплый поток крови. Я понимаю, что это глупо, но не могу удержаться от зависти к Олли. Для меня была непереносима эта боль в голове, но она ведь означала, что я чего-то стою. Что я особенная. Но оказалось, что я не была в достаточной мере особенной. Когда мой Иммрал подвергся настоящему испытанию, оно оказалось не по мне, и Экскалибур меня наказал, высосав мою силу.

¹ *Трикстер* (англ. *trickster* — обманщик, ловкач) — архетипический образ в мифологии, фольклоре, религии, озорник и плут. Может быть человеком, духом, божеством, антропоморфным животным.

По мере того как мы приближались к парламенту, сновидцев становилось больше. Целые толпы бродили по улицам, ожидая приказа от своего командира. Теперь стало обычным делом увидеть сновидцев безоружными, и нередко их черепа были вскрыты, а мозги удалены — вместе со всеми мыслями. А здесь, поблизости от центра силы Мидраута, я не видела ни одного с уцелевшим черепом. Зря мы сюда приехали.

Моя лошадка Лэм задевает бедром какого-то сновидца, и тот дергается в мою сторону, его лицо вытягивается, руки нервно машут. Я отвожу Лэм в сторону, ближе к Самсону, пока наши ноги не соприкасаются. При других обстоятельствах мне стало бы спокойно от его близости, но здесь покоя не найти. Серый ландшафт надвигается на нас так же, как сновидцы.

Потом мы замечаем это: впереди стена людей, преграждающая нам дорогу к зданию парламента.

— Не думаю, что это случится, Неризан, — говорит Олли.

— Думаю, ты можешь быть прав, — отвечает она.

Некоторые из ближайших сновидцев всматриваются в хиджаб под ее шлемом, понемногу придвигаясь к ней.

— Унизительное отступление? — произносит Самсон.

Все мы дружно киваем.

Потом заставляем наших лошадей пятиться, поскольку не имеем возможности найти место для того, чтобы развернуть их. Стена сновидцев надвигается на нас. И она смыкается за нашими спинами.

— Пожалуй, понадобится твоя помощь, братец, — бормочу я уголком рта.

— Черт, как мне хочется, чтобы ты сама могла это сделать! — Олли закрывает глаза и призывает свой Иммрал.

С криком боли он направляет струю горящих инспайров на тех, кто преграждает нам дорогу. Они шарахаются назад, их кожа вздувается невообразимыми пузырями.

— Скорее! — кричит Самсон.

Мы поворачиваем лошадей и галопом несемся в откывшееся пространство.

Но до нас пытаются добраться не только сновидцы. Сами здания тоже давят на нас, делая улицу узкой. Я сжимаю ногами бока Лэм, направляя ее. Олли рядом со мной заставляет своего коня Балиуса перепрыгнуть через группу вооруженных сновидцев, с помощью Иммрала взметнув коня и всадника над поднятыми ножами.

Кто-то задел ножом ногу Неризан, и на боку ее лошади остается кровавый след. Неризан наклоняется, чтобы отпихнуть нападавшего.

— Можешь делать что угодно со мной! — рывкает она. — Но не смей касаться моей лошади!

Лишь через несколько миль мы возвращаемся в относительно безопасную часть Лондона и тогда позволяем себе замедлить ход и предоставить лошадям самим решать, как идти. Справа от нас бурлит и пенится Темза. Какое-то морское чудовище поднимается над водой, с его скелета отваливаются большие куски плоти, оно колотится в смертельной агонии. Голубые ин-

ТЬМА И ЗОЛОТО ПОЛУНОЧИ

спайры, удерживавшие его, рассеиваются, как неслышимый шепот, и оно наконец рассыпается. Еще одно существо, погибшее от засухи воображения.

— Напомни мне потом, чтобы я не просила снова совершить глупость, — говорит Неризан, потом добавляет: — Извините.

— Незачем извиняться, — отвечает Самсон. — Мы сами так решили.

Я киваю Неризан. Потребность сражаться с кошмарами вместо людей — нечто вроде навязчивой идеи. Она просто высказала это вслух.

Мы огибаем угол, едем теперь по более узким улочкам. В Итхре мы бы уже приближались к собору Святого Павла. В Аннуне кафедральный собор заменен другим зданием. Знакомые башни Тинтагеля возвышаются над соседними строениями, его центральный купол вздымается к небесам. Этот вид сопровождается далеким шумом сражения.

— Опять то же самое, — вздыхает Олли.

Когда замок становится виден, открывается и источник шума. Тинтагель, мой единственный рай в Аннуне, осажден.

2

Это началось через несколько недель после успеха Мидраута. Непрерывный поток сновидцев, который струился ко рву и внешним стенам замка. Они стояли там, создавая крепость из безмозглых, безголосых тел и ожидая приказа вожака. Несколько дней было почти невозможно входить в замок и выходить из него — сновидцы, замечая нас, старались напасть. Можно было бы вылетать из замка, но слишком велика была нагрузка на Иммрал Олли, когда он переносил через ряды сновидцев наших лошадей. У него тогда не оставалось сил, чтобы помогать нам во время патрулирования.

Лорду Элленби не понадобилось много времени на то, чтобы найти решение. Я считала это маловероятным в такое время года, но оно пришло, пришло откуда, откуда я его не ожидала, — от фей. Мерлин и Нимуэ, хоть и сильно ослабели, все же цеплялись за существование. После того как я вернула Мерлина к жизни и доказала мою преданность Аннуну, они стали нашими союзниками. Они прячут Экскалибур, при-

Рейс Х.

Р 35 Тьма и золото полуночи : роман / Холли Рейс ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-389-15846-7

Тьма готова поглотить Аннун — удивительный мир, рожденный из сновидений и грез; в нем, как в зеркале, отражается мечта о том Лондоне, каким его хочет видеть семнадцатилетняя Ферн. Она и ее брат-близнец Олли принадлежат к мистическому древнему ордену рыцарей, охраняющих сновидцев в Аннуне: если сновидца постигает смерть в потустороннем мире, то проснуться наяву ему уже не суждено. Ферн проводит в Аннуне каждую ночь, но ей все труднее исполнять свое предназначение, ведь ее магическая сила перешла к брату. Так что их отношения, и без того омраченные жестоким прошлым, обостряются еще больше... Тем временем заклятый враг близнецов, чародей Мидраут, стремящийся уничтожить Аннун, предвкушает победу. Чтобы противостоять ему, необходимо вернуть пропавший меч короля Артура — Экскалибур — и найти таинственный Грааль. Сможет ли Ферн спасти мир, который она так любит, и увидеть, как надежда, свет и чудо возвращаются в Аннун?

Заключительная книга трилогии о полночных близнецах — впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Литературно-художественное издание

ХОЛЛИ РЕЙС
ТЬМА И ЗОЛОТО
ПОЛУНОЧИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Алла Косакова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Маргарита Ахметова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 31.01.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 27,44.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

H-SJM-24250-01-R